

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ

ПУТЬ ДОМОЙ

Анабиоз

Алексей Гравицкий

Путь домой

«Комикс Паблишер»

2012

Гравицкий А. А.

Путь домой / А. А. Гравицкий — «Комикс Паблишер»,
2012 — (Анабиоз)

Поднять бабла и свалить к чертовой матери, куда угодно, – именно об этом многие годы мечтал простой менеджер Сергей. В Москве его ничто не держит. Семьи нет, родители умерли, работа навевает тоску. Друзей он может пересчитать по пальцам, любовь так и не нашел. Самое время уехать и начать жизнь с чистого листа. Мечта сбылась. Анабиоз застал Сергея посреди Паттайи – облюбованного туристами тайского городка. Но край вечного лета отчего-то не принес долгожданного счастья. Теперь он хочет вернуться домой. Но как? Анабиоз не пощадил ни самолеты, ни корабли, ни поезда. Сергей находит нестандартный выход и отправляется в долгий, полный опасностей путь. Ему предстоит найти врагов, потерять друзей и разобраться в самом себе.

© Гравицкий А. А., 2012

© Комикс Паблишер, 2012

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Гравицкий

Путь домой

*Путь домой, путь домой,
Если мы придем домой...
Мы помянем этот ветер.
Если мы придем домой.*

Андрей Макаревич

*Нет дороге окончания, есть зато ее итог:
Дороги трудны, но хуже без дорог.*

Юрий Визбор

Часть первая

Из кустов торчала кривая ослиная морда и мерзко улыбалась. Бред какой...

Замутило. К горлу подкатил тошнотворный ком. Значит, перепрыгнул. Это когда просто со слоя на слой переходишь – ничего. А когда перескакиваешь из одной червоточины в другую, чаще всего тошнит. Поначалу было совсем паршиво: выворачивало наизнанку. Со временем научился сдерживаться. Но ощущения так себе.

В голове глухо гудело, мысли разметало мелкими острыми бессодержательными осколками. Я тряхнул башкой и попытался упорядочить хоть что-то, вспомнить, выстроить, расставить по местам.

Была вспышка. Хлопок по ушам. Потом эта гнилая улыбка перед глазами. И оцепенение.

Так всегда. В смысле, вспыхивает всегда, и ощущение сродни тому, что испытывает рыба, выброшенная на берег – тоже всегда следом приходит. Во всяком случае, у меня так.

Вот по ушам хлопнуло первый раз. Наверное, потому что на прошлом слое не было звуков, а здесь вернулись. Где это «здесь»?

Я сделал шаг, пошатнулся, но удержался на ногах. Осел продолжал улыбаться и не двигался. Он и не мог. Бронза потемнела, подернулась зеленой, между ноздрей засох белесый шлепок – привет от местных пернатых. Интересно, какому ослу впилило в голову ставить памятник ослу?

– Rŭp rān,¹ – мягко проговорили за спиной.

– Что?

– Статуя, – напевно с мяукающим тайским акцентом повторила Звездочка.

В последнее время моя спутница наблатыкалась говорить по-русски значительно понятнее. Или я просто привык к ее лепету. А может, и то и другое: все-таки почти полтора месяца прошло как мы так скачем.

Отвечать на очевидное я не стал. Подошел ближе и раздвинул ветки кустов. При ближайшем рассмотрении памятник оказался сложнее. На спине у осла стояло нечто напоминающее собаку, на бронзовую псинку взгромоздился такой же кот, а на загривке у кота размахивал потемневшими крыльями петух.

Зверье выглядело довольно корявым. Не то время изуродовало, не то скульптор, что это когда-то сотворил. Но сюжет угадывался вполне явственно.

– Бременские музыканты, – вернул я Звездочке ее очевидность, кивнув на уродливый монумент.

Звезда зябко повела плечиками.

– Это Бремен? – промяукала она в своей обычной манере.

У тайцев удивительный язык, что бы они ни говорили, звучит как-то по-кошачьи. Но разобраться в нем и научиться произносить хоть что-то – выше моих сил. Я еще тогда, до всеобщей спячки, пытался, но понял, что для меня это неподъемный труд. Как говорить на языке, где все зависит от интонации? Где одно и то же слово, сказанное чуть иначе, меняет смысл? Это не английский, где «mother» – «мама», а «fuck off» – «от...» пардон, «отвали». У тайцев все иначе. Ты думаешь, что сказал спасибо, а на тебя лезут с кулаками, потому что ты ударение не туда поставил и, оказывается, сам того не желая, человека обидел.

Говорят, живое общение позволяет лучше выучить язык. Возможно. Но мы со Звездой общаемся полтора месяца, а мои познания в их тайском мяу-мяу по-прежнему на нуле. Зато Звездочка молодец – по-русски говорит, конечно, так себе, но мысль передать может. А это главное.

¹ Статуя (тайск.).

– Хрен его знает, – хрипло ответил я, отвернулся от криворожего осла и неспешно зашагал по тропинке между кустов.²

Кто ж его теперь разберет: Бремен это или не Бремен. Я и раньше не сильно понимал в географии. Для меня вся Европа на одно лицо. И Бремен этот на карте не покажу, искать надо. Но музыканты точно бременские: мультик-то советский, в отличие от тайской Звезды, я наизусть знаю.

Мысли постепенно переставали скакать с одного на другое. Бессмысленный поток ассоциаций сбавил темп, голова потихоньку очистилась. Я вдохнул полной грудью прохладный воздух, остановился и снова огляделся. Теперь уже осмысленно.

Чуть позади и справа осталась слепящая стена золотистого свечения, из которого мы вышли. Что находилось там, за светом, разглядеть с такого расстояния было решительно невозможно. Если интересно, то нужно подальше отойти. Тогда свет теряет силу, перестает слепить, становится полупрозрачным.

Кругом буйствовала растительность. Кусты и деревья здесь пёрли со страшной силой. И неудивительно – под ногами сквозь пожухлую траву и наметенный слой земли кое-где проглядывала брусчатка. За кустами и деревьями виднелись потрепанные временем стены низкорослых кирпичных и каменных домов.

Растительность была знакомой. Листва на деревьях и кустах окрасилась в желтый и оранжевый. Для конца сентября это естественно. В груди екнуло, я захлебнулся холодным осенним воздухом и закашлялся.

Звездочка что-то заботливо промяукала. Вопросы я не понял, но разобраться не хотелось: я просто помотал головой.

А ведь холодно. Еще немного времени пройдет, адреналин после прыжка уляжется и станет совсем фигово. А что будет ночью?..

Надо найти теплую одежду.

Радость от того, что я попал, наконец, в родные широты, поспешно улетучивалась. В голове один за другим вспыхивали вопросы.

Где я? Это на самом деле Бремен? Если Бремен, значит это немцы. Кажется.

Сколько отсюда до дома?

На каком я слое?

Есть ли здесь люди? Если есть, то как они живут?

Где взять теплую одежду?

Где ночевать?

Но главное то, что половина проблем умножалась на два, потому как Звездочка моя ясная во многом от меня теперь зависела. Раньше я от нее, теперь она от меня. Такая хренька.

Я оглянулся на Звезду. Та топала следом. Перехватив мой взгляд, покорно улыбнулась. Высокая с черными, как смоль, волосами, еще более черными узкими восточными глазами и охренительной грудью. Улыбалась моя Звездочка тоже сногшибательно. Ей-богу, если б не маленький нюанс, я бы влюбился.

– Бремен? – невпопад переспросила она.

– Я почему знаю? Раньше по вывескам можно было бы хоть что-то понять. Спросить хоть что-то можно было. А сейчас... ни указателей, ни местных жителей.

Звезда кивала и улыбалась. Из улыбки я сделал вывод, что не поняла она ни черта. Надо говорить медленнее. Но не повторять же.

Я выбрался из зарослей на более-менее открытое пространство и зашагал дальше, наугад сворачивая с одного проулка в другой. Город был старым. Совсем старым. Таким, по моему

² На самом деле памятник, с которым столкнулись герои, находится в Риге.

представлению, мог быть центр какого-нибудь европейского городишки, где к началу двадцать первого века еще озадачивались сохранением «исторического облика города».

Асфальта не было. Только основательно заросшая брусчатка. Дома невысокие. Кирпич, камень. Облезлые фасады. Облупившаяся краска и штукатурка. Проваленные крыши, торчащие сквозь проломы молодые деревца. Черные провалы окон, вывалившиеся стекла.

Кое-где, на совсем уж древних строениях, болтались на перекошенных ржавых петлях гнилые ставни. Местами стены опутывал увядший по осени плющ.

Из головы упорно не выходило дурацкое словосочетание «исторический облик города», подслушанное когда-то в прошлой жизни в каких-то новостях. Облезлая готика.

В заросшие и разваленные дома заходить не хотелось. Бесцельно ходить дальше было глупо. Хорошо бы найти людей.

Додумав до этой мысли, я осекся. Люди теперь всякие случаются. Бывают и такие, которых лучше не встречать.

– Stāt!³ – рявкнули совсем рядом.

Я невольно дернулся и повернулся на голос. Мужик был одет в старый камуфляж и ссохшиеся, растрескавшиеся берцы. Немудрено, что мы его не заметили. Интересно, ему в этих говнодавах засохших удобно? Синтетика пережила тридцать лет спячки лучше кожи. Мог бы с кого-нибудь кроссовки снять... А этот – мог.

Мужик был крепким. В руке он сжимал подернутую когда-то ржавчиной, но очищенную от рыжего налета многими прикосновениями арматурины. И рука с арматурой была неприятно напряжена.

Серьезный настрой.

Я медленно поднял руки, демонстрируя открытые ладони и готовность к мирным переговорам.

– Jūs no kurienes? – интонация была вопросительная. – No Baloža?⁴

Мужик явно чего-то хотел, но я упорно не понимал чего. И язык, кажется, был не немецкий.

– I don't understand, – честно признался я. – Do you speak English?⁵

– Vai tu kāds ārzemnieks? Vai dzimto valodu aizmirsi?⁶ – нахмурился мужик, но арматурина в его руке даже не дрогнула, готовая в любой момент взлететь вверх и опуститься на чью-нибудь черепушку. На мою, например.

Хреновый признак.

– Шпрехен зи дойч? – на всякий случай поинтересовался я, задним числом понимая, что даже если он «шпрехен», то я все равно ничего не пойму кроме «хенде хох», «октоберфест» и «Гитлер капут».

Эх, надо было учить языки. Хотя я и учил. Английский. С ним должны были понимать везде. С ним можно было устроиться везде. И люди устраивались. Так какого ж банана этот папуас европеоидный не отвечает?

– Tu tiešām latviski nesaproti?⁷ – ответил европеоидный папуас в какой-то еврейской манере.

Идиотизм ситуации накалялся. Более идиотски могла выглядеть разве что попытка китайца с эскимосом травить друг другу грузинские анекдоты на русском языке.

– Блин горелый, да как же с тобой говорить-то! – не выдержал я.

³ Стоять! (латыш.).

⁴ Вы откуда? От Болодиса? (латыш.).

⁵ Я не понимаю. Вы говорите по-английски? (англ.).

⁶ Ты иностранец, что ли? Или речь родную забыл? (латыш.).

⁷ Ты, правда, по латышски не понимаешь? (латыш.).

Мужик переменился в лице, посмотрел косо, как на врага. Рука с арматуриной напряглась сильнее.

– Русские, что ли? – спросил он неприязненно на вполне понятном русском с легким прибалтийским акцентом.

– Русский только я.

Я улыбнулся и сделал шаг навстречу. Арматурина тут же взлетела в полузамахе.

– Стоять! – велел мужик таким голосом, что сразу стало понятно: лучше повиноваться.

– Стою. – Я успокаивающе повел руками.

– Руки выше, – потребовал мужик. – Так вы не от Балодиса?

– Мы издалека, – уклончиво ответил я, покорно вздергивая ладони над головой.

– Откуда? – мужик был настроен решительно.

Я кивнул в ту сторону, откуда мы пришли. Там позади, за домами, золотился воздух. На мужика это произвело странное впечатление. Будто я только что признался во всех смертных грехах и еще чем-то пострашнее.

– Врешь, – уверенно сказал он. – Зачем врешь? Это земля Яниса. Янис к русским относится лучше, чем к тем, кто пришел из проклятого места. Русские работают. Те, кто пришел из проклятого места, умирают.

Я запнулся от подобной новости. Покосился на Звездочку. Та стояла у меня за спиной удивительно серьезная. Обычно она незнакомым вежливо улыбается, но камуфлированный мужик ей явно не нравился. Впрочем, испуганной она не выглядела.

Мужик глядел пристально, переводил взгляд с меня на Звезду и обратно. Поигрывал арматурой.

Сейчас бы хоть какое-то оружие, но все, что было, мы потеряли в прошлой червоточине. Не знаю даже, где она была, но история там хреновенькая вышла. Пришлось убежать. Убежали, блин. Из огня да в полымя.

Пауза затягивалась. Мужик ждал.

– Я пошутил, – пробормотал я. – Мы от Балодиса.

– От Балодиса все бегут, – понимающе кивнул мужик. – Не бойся. У нас хорошие условия. Спать будешь в общем бараке. Работа тяжелая, но два раза в день будешь пайку получать. И связывать никто не станет, только запрут.

– Не боишься, что и от вас сбегу?

– Нет. От нас не бегают.

– А она? – Я кивнул на Звездочку. – Тоже за пайку работать будет?

Мужик растекся в улыбке.

– С ней все будет в порядке. Восточная красавица. В коллекции Яниса такой нет. Она будет работать иначе. И если будет делать это хорошо, нуждаться не будет ни в чем.

Камуфлированный многозначительно подмигнул и махнул арматуриной.

– Отойди в сторону.

Я отступил на шаг, еще и еще.

– Дальше, – сердито потребовал мужик. – И руки не опускай.

Пришлось повиноваться. Убедившись, что я стою достаточно далеко, мужик подошел к Звездочке. Та стояла спокойно. Никаких нервов, никакого испуга. Молодец. Хотя, судя по выражению лица, камуфлированный товарищ ей не нравился категорически.

– Твоя баба? – покосился на меня мужик.

– Своя собственная, – пожал плечами я, ни разу не слукавив. Звезда всегда сама выбирала, кто ей симпатичен, кто нет.

Мужик осмелел, решив, видимо, что раз «баба не моя», то планку у меня не сорвет, и бесцеремонно положил пятерню на грудь Звездочки. Рожа его наполнилась блаженством.

– Янис тебя точно заберет себе, – поделился мужик с моей спутницей. – Точно. Знаешь, он всегда берет лучшее. Я смотрю на его девочек, и мне хочется. Аж зубы сводит, но нельзя.

Пятерня мужика яростно мяла грудь. Камуфлированный явно заводился. Звезда терпела.

– Нельзя, потому что чужое, – снизив голос до громкого шепота, бормотал мужик. – А с тобой можно. Пока можно, потому что ты не его, понимаешь? Завтра будешь его, а сегодня...

Мужик глядел в восточные черные глаза. Слов Звездочка не понимала, но суть происходящего была ясна и без лишних разговоров. Рука мужика отпустила грудь и скользнула в низ живота. И тут Звездочка не выдержала.

Легко отклонившись назад, резко качнулась вперед, ударяя перевозбужденного мужчину лбом в переносицу. Хрустнуло. В том, что у Звезды совсем не женский хорошо поставленный удар я успел убедиться уже много раз, так что случившееся не стало откровением.

Мужик взвыл и схватился двумя руками за расквашенный нос. Звякнула упавшая арматура.

Звезда смотрела на меня едва ли не извиняющимся взглядом. Камуфлированный сложился пополам и орал что-то невнятное на родном языке. Понять было невозможно, но вряд ли там стоило что-то понимать. Когда тебе нос вправляют в череп – не до цензуры.

Я отпихнул корчащегося от боли мужика, подхватил упавшую арматуру и подтолкнул Звезду.

– Что стоишь? – сказал медленнее, чем хотелось бы. – Уходим.

– Thihin?⁸ Назад?

– Нет, блин, к Балодису. Не отставай.

Больше не оглядываясь, я побежал назад. К свету. К чертовой червоточине.

Внутри все сжималось от обиды и злости. Первый раз, первый раз за полтора месяца я попал в свои широты и на тебе: даже на клены эти пожелтевшие полюбоваться не успел. И пусть это была какая-то Латвия, судя по Янисам и Балодисам, но от нее явно ближе до дома, чем от Таиланда.

Звездочка топала за спиной, не отставала. Светящаяся стена была уже рядом. Свет набирал силу, теряя прозрачность, становясь нестерпимым.

В червоточину. Когда начинается такая хренька, путь только один. Обратно в свет. Многие боятся этих стен и следом не сунутся. Здесь, судя по тому, что пришедших оттуда убивают, точно не сунутся.

Свет стал ослепительным настолько, что я закрыл глаза. Еще несколько шагов и свет отступил, поутих, потерял силу. Уже с открытыми глазами я сделал еще десяток шагов.

Стена первозданного света осталась за спиной. Мир вокруг изменился до неузнаваемости. Пейзаж остался тем же, но приобрел закатные багряные тона, будто все вокруг залило кровью. Это не пугало. К червоточинам и их странностям я привык. К людям, сорвавшимся с катушек привыкать труднее.

Где-то рядом что-то тихо насвистывало. Совсем рядом. Я огляделся. Никого, кто мог бы свистеть. Никого и ничего. В шаге от меня остановилась Звездочка. Посмотрела обеспокоено, и я только теперь почувствовал насколько у меня должна быть кирпичная и злая рожа.

– Ты молодец, – улыбнулся я ей. – Все правильно. Все хорошо.

Она тут же растеряла всю свою тревожность, заулыбалась. Как ребенок! Может быть, поэтому я и таскаю ее за собой?

...Со Звездочкой я познакомился, если так можно сказать, еще до спячки. Но обо всем по порядку.

⁸ Куда? (тайск.).

В Таиланд мы прилетели вдвоем с Олежкой. Борян так и не смог к нам присоединиться, сославшись на дела и подписание какого-то там договора. Тай мягко принял нас в свои душные влажные объятия. Олег шаршил себя пяткой в грудь и орал, что знает об этой стране все, но отчего-то забыл упомянуть о сезоне дождей.

В итоге мы либо валялись у бассейна поближе к корпусу отеля, либо пили в номере местное пиво со слонами на этикетке, разлитое почему-то в бутылки по шестьсот шестьдесят миллилитров.

Пивопитие заканчивалось пережором. Не то оттого что бутылки были такими объемными, а воспринимались, как обычные по ноль пять, не то из-за дикой влажности.

Через неделю овощной отдых окончательно надоел, и мы с Олежкой стали искать новые развлечения. Олег нашел их быстрее. Собственно, ему и искать не пришлось. В Таиланде он на самом деле отдыхал не в первый раз. И вообще, по официальной версии, он здесь не отдыхал, а работал.

На свою беду Олежка рано женился. Жена его была не глупа, красива и обладала еще массой достоинств. Характер у жены тоже имелся. Олег был влюблен, неопытен и, сам того не заметив, радостно попал под каблук.

Когда правда о том, что Олег подкаблучник, стала понятна не только окружающим, но и самому Олегу, что-то менять было уже поздно. Он попытался взбунтоваться, но кроме скандалов и угрозы развода ничего не добился, а так как жену все же любил, то, опасаясь ее потерять, смирился со своей подкаблучной долей окончательно.

Как и любой мужчина подобной породы, попавший в подобный житейский омут, Олег тихо мечтал о свободе. Но без жены он добирался только до работы. И тут судьба сделала ему подарок.

Олежик зарабатывал на жизнь тем, что снимал рекламные ролики. Одному из заказчиков вшпилило снимать рекламку в Таиланде. Так подкаблучник впервые оказался по работе на свободе и без жены.

Неожиданная свобода на родине секс-туризма – жуткое дело.

Не сказать, что Олег до того отличался нормальностью – нормальные люди рекламу не снимают, – но после этого крышу у него снесло окончательно. И поездки «в Таиланд по работе» стали происходить минимум раз в полгода. То, что тот самый ролик давно отсняли, Олега не останавливало. Неиссякаемо фонтанируя фантазией, он придумывал новым заказчикам, что можно снять в стране тайцев. А если ничего не придумывалось, просто врал жене, что работа есть, и улетал.

В этот раз работы не было, зато Олег уболтал нас с Борзым – вернее меня – лететь с ним.

В свете всего вышесказанного неудивительно, что Олега понесло в очередной секс-тур. Мне бегать по тайкам не хотелось. Не то чтобы мне они категорически не нравились или я исключал возможность секса за деньги. Нет. Просто в свое время наслушался про страшные последствия жутких венерических болячек привезенных соотечественниками из Африки и Азии и, видимо, серьезно напугался.

Потому я решил тупо побыть заурядным туристом и пройти по обыкновенным туристическим маршрутам. Первая стандартная экскурсия привела меня на змеиную ферму, вторая – на крокодиловую. Третий выезд был в Паттайю – ближайший к нашему отелю городишко.

Поездкой я, пожалуй, остался доволен. Городок имел свой колорит и посмотреть на обычную тайскую жизнь изнутри было занятно. Потом любопытство и скука привели меня на сеанс тайского массажа, затем в «Тиффани» поглазеть на травести-шоу.

Там я впервые и увидел Звездочку. Это не я ее так назвал. Просто под конец травести-шоу на сцену «Тиффани» вышло что-то вроде конференсье и громогласно сообщило на нескольких языках, что все желающие могут на выходе сфотографироваться со звездами шоу.

Звездочка стояла у входа среди прочих и белоснежно улыбалась. Не знаю, какая моча мне ударила в голову, но я все же решил сфоткаться в обнимку со звездой травести.

Грешен, каюсь, я трогал ее... его... Черт, как правильно? Не важно. Короче, я лапал эту Звезду в тот самый момент, когда мы с ней фотографировались. Я взял эту девочку за талию и понял, что шупаю мальчика. Слишком твердое тело для девки.

А потом последовал мяукающий тайский аналог дребедени про «сыр» или «вылетающую птичку».

Вспыхнуло.

И я проснулся через несколько десятилетий.

Отсюда мораль: нефиг лапать всякую гадость...

Из вереницы воспоминаний меня выдрала та, о которой я как раз вспоминал. Потеребила за рукав.

– Что это? – спросила мягко, вслушиваясь в странное посвистывание.

– В душе не е... – я споткнулся на полуслове, покосился на Звездочку. – Не знаю.

Странное дело: зная, что оно – трансвестит, я почему-то все время относился к ней как к женщине. Как к женщине, с которой у меня никогда ничего не будет. И даже при этом отсутствии будущего, из меня периодически начинало переть джентльменство. Ну выматерился бы, и что? Не поймет ведь. А поймет и по фигу, ведь мужик. Но язык я почему-то прикусил. И было бы понятно, если б первый день общались. С непривычки всякое бывает. Но мы ведь с ней полтора месяца вместе ходим.

Свист не прекращался, но менялся в тональности и напоре. Временами казалось, что это человек. Высокохудожественно насвистывает какую-то то грустную, а то пугающую, незнакомую мелодию. Но стоило только свыкнуться с этой мыслью, как иллюзия разлеталась в прах, и звук шкалило на одной неприятной ноте. Лирика уходила бесследно, свист становился механическим.

Может, это ветер заблудился в каких-то трубах или щелях полуразваленных окрестных зданий?.. Но ведь не было ветра.

Звездочка зябко повела плечами. Мне и самому было страшновато, но по опыту я знал: фигня это все. Иллюзия. Просто тут, за светом, что-то произошло с пространством. То ли боги ставили странные опыты, то ли природа сошла с ума, но это все ерунда. Здесь нет ничего страшного. Все страхи порождает человеческий мозг. А здесь... просто что-то непонятное. Не такое. Иное.

Зато при помощи этих червоточин можно прыгать. Не знаю как это возможно, но иногда войдя в стену в одной червоточине можно выйти из стены в другой. На другом краю географии. Надо только найти точку.

Почти затихшее посвистывание усилилось, будто мы приблизились к его источнику. Теперь в звуке не было ничего живого и естественного, от этого в самом деле становилось жутко.

Стоп. Главное взять себя в руки, успокоиться. Есть только один реальный эффект всего этого безумия – прыжок. Все остальное – игра больного воображения. Надо успокоиться, сосредоточиться, переключиться.

Сейчас мы на первом слое. Точно на первом. Об этом проговорился мужик в камуфляже, когда рассказывал, что неведомый Балодис убивает пришедших из проклятого места. Проклятое место – червоточина. Балодис ее боится, как и всего, что оттуда выходит. Жутко боится. Если бы он сидел на первом слое, отношение было бы несколько иным. Да и проявлений взбесившейся природы по ту сторону света не было никаких. Обычный старый мертвый город, просуществовавший без человека тридцать лет.

Значит, это залитое красным светом безобразие – первый слой. Если на первом такая жуть, значит червоточина небольшая. Неглубокая. Выходит, точку можно искать уже на границе между первым и вторым слоем.

Я посмотрел на Звезду. В багряном свете она выглядела как девочка из кровавого анимешного мультика. Красивое восточное лицо в красном цвете, красные белки глаз и черная, сливающаяся со зрачком радужка.

– Вперед, – распорядился я и зашагал туда, где по логике должна была находиться граница другого слоя.

Звездочка топала рядом послушно, почти неслышно. Благо кроссовки способствовали. Когда мы только проснулись, на Звезде было ветхое, превратившееся в тряпку вечернее платье и туфли на шпильке. Каблучки, впрочем, мгновенно поотлетали. Но выглядели мы со Звездой тогда весьма колоритно. Звездно, можно сказать.

Это было давно. Настолько, что вспоминать уже вроде незачем. Но любое воспоминание имело смысл – особенно здесь, в царстве торжествующего сюрреализма. Память включалась спонтанно, выкидывала какие-то сцены прошлого. Неожиданные сцены. Иногда это позволяло переключиться, порой наталкивало на нужные решения.

Улочки изворачивались, сменяли одна другую. Тесные, словно в каком-то кино про Средневековье. В одном месте проулок оказался узким настолько, что встав посреди дороги можно было раскинуть руки и потрогать одновременно стены домов, находящиеся по разные стороны улицы.

Растительность на этом слое практически отсутствовала. Город здесь не пощадило время, но почти обошла природа. Быть может, виной тому был красный свет? Но, если все это лишь иллюзия, то она не должна иметь влияния на мир, жизнь, природу...

Я резко оборвал мысль. Не думать об этом. Никогда не думать. Все вокруг иллюзорно. В червоточинах всё обман. Это не реально. Реален только прыжок. И точка.

Свист поутих, снова стал жалостным, будто где-то за ветхой стеной старинного дома тонко поскуливала обиженная жизнью собака.

Граница второго слоя возникла вдруг. Из-за багряного освещения видно ее не было до последнего. Когда стало понятно, что новый слой уже рядом, разглядеть, что на нем происходит, стало уже невозможно. Свет сделался плотным, ярким, непрозрачным.

Так всегда. Границу червоточины издалека практически не видно. Она смотрится совершенно естественно, будто ты стоишь на холме в сентябрьский день, над тобой бегут облака, а там вдалеке сквозь них пробивается солнце. И та часть пейзажа освещена последними предзимними лучами, а эта, где стоишь ты, – в серой хмари.

Вот только с червоточинами при ближайшем рассмотрении все иначе. Чем ближе подходишь, тем ярче свет. Когда подходишь к границе – свет становится невыносимым, слепит, и разглядеть что-то с той стороны нереально. Многие боятся этого. Другие опасаются. Я знаю, что свет безобиден. И та жуть, что творится за светом – тоже.

Иллюзия не может быть опасной, хотя может напугать.

Я остановился и снова поглядел на Звезду.

– Готова?

Тайская девочка-мальчик кивнула. Как обычно не сказала ни слова, но в глазах ее сквозил привычный испуг. Она всегда относилась к светящимся стенам с большой опаской, но сдерживалась и не говорила об этом.

Я закрыл глаза и шагнул в свет. Шаг, еще шаг. Накал света стал нестерпимым, затем пошел на спад.

Что слой грядущий нам готовит?..

Я осторожно приоткрыл веки. Свиста больше не было, красного свечения тоже. Зато город преобразился. Здесь и сейчас он выглядел так, словно ничего не произошло. Будто не

было тридцати лет анабиоза, не появлялись червоточины, не оккупировала города матушка-природа.

Город жил.

Светило обманчиво-теплое осеннее солнце. Желтели листья на деревьях, срывались от мельчайшего дуновения ветерка и опадали на землю, устилая ее ярким ковром. По улочкам бегали люди, обычные, живые, в нормально сохранившейся одежде – они спешили по своим делам. Ездили машины. Возвышались нетронутые временем дома.

Я такое уже видел один раз. И это тоже морок. В это хочется верить, но этого на самом деле нет. Будто подтверждая мысли, шедший прямо на меня и не замечающий препятствия на пути прохожий, рассыпался на тысячи золотистых искорок, облаком окутавших меня и Звезду.

– Khīnk!⁹ – пробормотала моя спутница.

Понять я не смог ни полслова, но, если судить по интонации, мысли у нас текли сейчас примерно в одном ключе. Самые гадостные иллюзии не те, что пугают, а те, в которые хочется верить.

Ну что, условия известны, теперь начиналось самое противное. Если повезет, то точка перехода нащупается быстро. Если нет – можно протоптаться здесь и несколько суток.

Я отступил чуть в сторону, зажмурился и шагнул обратно в стену света. Последовала вспышка, и снова послышался свист. Не перепрыгнул. Вышедшая из света, подсвеченная красным, Звезда опять напоминала персонажа, сбежавшего из японского комикса.

Еще шаг в сторону и новый нырок в свет. И снова мимо. Так можно обойти по периметру всю стену. И даже тогда точка может не найтись. Тогда придется идти до следующей стенки и начинать все заново.

Шаг в сторону. Шаг в свет. Вспышка. Свист.

Если до заката не прыгнем, придется ночевать здесь. Вопрос, что приятнее: слушать свист при кровавом освещении или заснуть и проснуться в несуществующем прошлом?

Можно, конечно, поставить метку, выйти из червоточины и ночевать снаружи, но общаться с Балодисом и прочими ему подобными отчего-то не хотелось.

Я оглянулся на Звезду. Она не отставала. Мы с ней вместе с самого первого дня, с того момента, как проснулись посреди Паттайи возле «Тиффани».

...Пробуждение было жутким. Не стану расписывать все те сюрпризы, которые выкидывал очухавшийся после многолетней спячки организм. Кто проснулся, тот знает, каково это. А других уже не осталось.

Мне повезло особенно. Причем во всех смыслах. Я проснулся в чужой стране на пороге «Тиффани» в обнимку с трансвеститом. И это на самом деле было удачей, потому что вокруг не нашлось ни единой живой души.

Смердело. Рядом валялись не очень свежие трупы, совсем уже истлевшие скелеты. А живых было только двое: я и Звездочка.

Потом я много думал, как так вышло, что все умерли, а мы остались живы. Быть может, за тридцать лет Паттайю накрывало цунами или ливни в сезон дождей затопляли город. Не сильно. Ведь лежащему лицом вниз человеку не нужно много воды, чтобы захлебнуться. Наверное, эти несчастные, что отключились на улице рядом с «Тиффани» просто утонули. Причем кто-то утону давно, других накрыло позже. Нам со Звездочкой повезло. Невероятно повезло. Но эти объяснения пришли намного позднее.

А тогда в чугунную голову лезли поочередно две фразочки из совершенно несовместимых песен: «нас оставалось только двое из восемнадцати ребят» и «верхом на звезде». Сквозь

⁹ Птичье дерьмо (тайск.).

эти не к месту вылезшие музыкальные темы пробивался единственный здравый вопрос, не имеющий ответа: «Что за на хрен?»

Звезду тошнило, рвало желчью. Я чувствовал, что близок к тому же, но каким-то чудом сдерживался. Кругом были только трупы. Звездочка тоже обратила на это внимание.

Вывернувшись наизнанку, она начала лопотать что-то на своем мяукающем языке. По-тайски я не понимал ни единого слова. Звезда почти не говорила по-английски, а из русского тогда знала только тексты «Калинки-малинки» и «Катюши», под которые артисты травести-шоу выкаблучивались на сцене «Тиффани». Да и то знала больше на слух, не особо понимая смысл.

В итоге излияния желудка оказались куда как понятнее излияний души. Я пробовал говорить по-русски, по-английски. Понимания не было. Звезда в свою очередь мяукала безостановочно. Наконец я не выдержал:

– Так, тормози, Звезда.

Та запнулась. Вероятно, услышала знакомое слово. Еще бы, если она каждый вечер слышит раскатистые вопли конферансье: «а теперь вы можете сфотографироваться со звездами нашего шоу» – наверняка давно запомнила. Может даже понимает, что «звезда нашего шоу» это она и есть.

Я потянул клеенчатую отельную браслетку с надписью «Ambassador City Jomtien» на запястье, не особенно думая о том, почему название отеля на ней так сильно выпцвело. Если нельзя изъясняться словами, значит можно жестами. Потеребив браслет, я ткнул пальцем в логотип отеля и сказал отдельно, дублируя слова жестами и мимикой.

– Где. Это? Мне. Туда. Нужно.

Звезда выслушала мои, произнесенные как для дебила, слова и снова замяукала, активно размахивая руками. Единственное, что я понял из ее жестикуляции – это направление, в котором находился отель.

– Тормози, – попросил я, выставляя руку ладонью вперед.

Звезда снова притихла.

– Ты, – я ткнул пальцем трансвеститу в грудь, – меня, – тычок себе в грудь, – туда проводишь.

Я махнул рукой в указанном направлении и изобразил пальцами топающие ножки. Звезда мгновенно взорвалась долгими тирадами. Параллельно она мотала головой и размахивала руками настолько яростно, что нежелание работать проводником стало очевидным.

– Я заплачу, – пообещал я, тыкая себе в грудь и делая характерный жест пальцами. – Money. Деньги.

Чтобы не выглядеть голословным я запустил руку в карман, но вместо денег нащупал там размякшую влажную труху.

– Черт! В отеле отдам. В отеле есть деньги. Там мои вещи. Там мой друг.

«Там всё, – пронеслось в голове, – вещи, Олег, деньги, документы, паспорт. Интересно, что с вещами. И с деньгами. И с паспортом. Паспорт по-любому должен быть цел, в биометрическом самая важная страничка пластиковая, спасибо высоким технологиям».

Звезда снова что-то замяукала. А потом к ее голосу добавился второй, погуще и побасовитее. Смутно знакомый. Голос звучал с другой стороны, в нем сквозило недовольство. Звездочка замолчала. Я повернулся к дверям «Тиффани».

В проеме стоял могучего сложения мужик в истрепанном пропыленном костюме, и я понял, почему голос показался знакомым. Конферансье.

Не обращая на меня никакого внимания, будто меня здесь не было, не обращая внимания на кошмар, происходящий вокруг, мужик, набычившись, двинулся к трансвеститу. Все это время он говорил. Резко, зло, будто во всем произошедшем была виновата Звезда. Так обор-

зевший от вседозволенности хозяин высказывает нерадивому сотруднику. Вот только ни один хозяин не поднимет на сотрудника руку.

Мужик не просто высказывал, продолжая ругаться, он приблизился к пытающейся оправдаться Звезде и отвесил ей смачную оплеуху.

– Дядя, не надо так, – попытался вмешаться я.

Звезда что-то лопотала. Конферансье обернулся, смерил меня взглядом и сказал по-русски, хоть и с чудовищным акцентом:

– Отвали.

Сердце забилося чаще. Смысл сказанного прошел мимо, сознание вцепилось в сам факт того, что рядом есть кто-то способный говорить по-русски.

Я подошел ближе и подхватил распекающего Звезду мужика под локоть. Не стоило этого делать. Мужик резко развернулся, сбрасывая мою руку, ощутимо пихнул меня в грудь и вполне внятно отчеканил:

– Пошел на хер!

На этот раз смысл дошел до мозга мгновенно, вгоняя меня в состояние ступора. Что происходит? Я отдыхал на другом краю земли, зачем-то решил сфоткаться с трансом и отключился. Когда прочухался, кругом, кроме транса, одни трупы. Город, обычный современный город, зарос, почти превратившись в джунгли. Все обветшало, ничего не понятно. И единственный человек, который может если не объяснить что-то, то хотя бы поговорить, орет как ненормальный и посылает меня на три буквы. Меня, русского, какой-то таец посылает на три русских литеры!

Бред.

Между тем конферансье, или кто он там был на самом деле, отвесил Звезде еще пару пощечин. Та сжалась и что-то тихо бормотала. Я видел, что физически она может ответить мужику. Но почему-то не отвечала. А мужик...

Хам. Быдло узкоглазое.

Ступор закончился, внутри вскипело. За полторы недели нашего отдыха я привык к тому, что быдлом в этой стране выглядели разве что мои соотечественники, да еще немецкие туристы. Тайцы всегда были приветливы, улыбочивы и интеллигентно-беззащитны перед натиском наших уродов, решивших, что за свои паршивые несколько тысяч баксов они купили не путевку в Таиланд, а кусок страны вместе со всем народонаселением.

Несколько раз собратья-россияне настолько гнусно хамили непонимающим их тайцам, что я едва сдержался, чтобы не наkostenять хамам-соотечественникам. От драки удержало только одно: виноватым буду выглядеть я, а знания языка, чтобы объяснить почему я устроил драку, у меня нет.

Наши туристы злили. Но конферансье из «Тиффани» побил все рекорды. И главное, сейчас, в сложившейся ситуации, где не было ни охраны, ни полиции, а из свидетелей наличествовали только Звезда и трупы, меня не сдерживало ничего.

Я резко ухватил мужика за плечо и развернул к себе. Судя по лицу, тот этого явно не ожидал, но быстро сориентировался. Не успел я и рта раскрыть, как мне в челюсть прилетел кулак.

Зря. Лучше бы он меня убил, честное слово. Я всегда готов к мирным переговорам, я умею убалтывать. Я могу оттягивать драку, даже если меня стукнут. Но только не по лицу. Один даже легкий удар по щеке и все. Перед глазами поднимается кровавая пелена, и я не успокоюсь, пока не засвечу тому уроду, что дотянулся до моей физиономии. Это еще со школы.

В голове затуманилось, перед глазами поплыло. И я кинулся на тайца.

Ударил. Попал.

Конферансье, однако, вернул мне зуботычину.

Мы быстро обменялись еще парой коротких ударов и сцепились. Таец оказался тяжелым. Очень. Мгновение – и мы уже валялись на растрескавшемся, поросшем травой асфальте.

Я больно ударился спиной. Мужик приземлился удачнее и мгновенно оказался сверху.

Попытка стряхнуть его не увенчалась успехом. Куда там! В нем было килограммов сто, если не больше. Невероятная для тайца туша.

Я попытался вывернуться. Бесполезно. Ткнул наудачу куда-то рукой и получил с маху по роже. Затем еще. Мужик заорал яростно, уже не по-русски.

Ну вот, сейчас он меня забьет и будет в этой клоаке одним трупом больше. Никто и не заметит.

Сквозь шум крови в ушах прорвался негромкий тупой звук. Что-то ткнуло. Крик оборвался. Мой противник повалился на меня и обмяк. Чертыхаясь, я не без труда выполз из-под туши.

Звезда стояла рядом. В руках она сжимала солидных размеров булыжник. На орудии пролетариата виднелась кровь и несколько прилипших волосинок.

Я покосился на мужика. На затылке у того чернела кровью рана.

Звезда протянула руку, предлагая помощь. Я покачал головой и поднялся самостоятельно. Ткнул кулаком себе в грудь.

– Я – Сергей, – представился медленно, чуть ли не по слогам.

Звездочка откинула булыжник и повторила жест.

– Я...

Далее последовало такое непроизносимое мяуканье, что я лишь отмахнулся:

– Понятно. Звезда, короче говоря.

Звезда кивнула, опять заговорила что-то на своем родном наречии. Ткнула себя в грудь, тиснула меня за отельную браслетку и показала пальцами правой руки идущие ножки.

И мы пошли.

К пришибленному булыжником конференсье мы более не возвращались. Почему он себя так вел, и кем он вообще был, я не интересовался. Звезда не рассказывала, а я не спрашивал. Честно говоря, мне это было уже неинтересно. Какой смысл в информации, если она не несет практической ценности?

А Звездочка так с тех пор со мной и ходила. Почему? Может, потому, что я за нее вступился перед тем мужиком...

Шаг в сторону, и я, зажмурившись, вошел в стену света. Который раз – не знаю. Может, трехсотый, может, пятисотый, может, вовсе тысячный. Я не считал. Если считать, можно спятить.

Красный свет остался с той стороны, свист оборвался. Но и шума живой улицы не было слышно. Замутило.

Я сделал еще пару шагов для верности и открыл глаза. В груди екнуло.

Мы стояли на мосту. Помимо нас здесь застыли разве что ржавые остовы нескольких машин. Было утро. Хотя еще секунду назад по ту сторону стены солнце клонилось к закату. Теперь небо золотилось на востоке. Прохладный ветерок гнал редкие, но плотные облака. Шуршали кусты и ветви молодых деревьев. Склоны над рекой заросли по полной. Еще бы. Здесь не было асфальта и бетона, которые могли бы удержать природу.

В стороне от моста над рекой, на взгорке, высились обшарпанные серо-красные стены кремля, вгрызались зубчатым краем в осеннее небо. Деревянные крыши на башнях потемнели, прогнили, провалились.

На небольшом открытом пространстве у стены тлело несколько костров. Видно, с ночи. У одного согнулась человеческая фигурка. Человек подремывал.

От проплешины с кострами в стороны разбегалась буйная поросль.

Берега речушки заболотились. Поодаль от кремлевских стен и по другую сторону реки высились дома вполне себе современного города. С поправкой на тридцатилетнюю спячку естественно.

Но самое главное: это был наш кремль. Отечественный. Не знаю, в каком городе, но в русском. Русским здесь было всё – от очертаний архитектуры до засранного пейзажа.

Гой ты, Русь, моя родная, хаты – в ризах образа...¹⁰

– Khīnk, – ругнулась за плечом Звездочка.

Я обернулся. Стена света шла точно по краю моста, по всей длине. Удачно. Будь она на пару метров дальше, мы бы вышли не на мост, а в воду. Купаться в сентябре ранним утром – не самое большое удовольствие.

– Мы где? – мягко поинтересовалась Звездочка.

– В России, – я пытался сказать это как можно спокойнее, но дыхание перехватило, и в голосе прозвучала ненужная патетика.

Вдалеке скрипнуло. Распахнулись ворота кремля и наружу с резкими криками погнали людей. Звуки в прохладном утреннем воздухе над рекой разносились удивительно далеко. Да и ветер был в нашу сторону, так что происходящее на взгорке было слышно так, словно я стоял рядом.

Впрочем, можно было ничего и не слышать. Картинки было вполне достаточно для понимания расстановки сил. Несколько вооруженных, уверенных в себе людей командовали толпой простых смертных. Народ со стороны напоминал покорное стадо. Гаркающие приказчики – пастухов.

Извечная беда русского народа – терпеть, пока совсем не припрет. Терпеть все что угодно, пока есть опасение потерять хоть последнюю рубаху и черствый сухарь с водой, но гарантированный и по расписанию. Вот если отобрать эти последние крохи и уверенность, что их выдадут по расписанию, тогда стадо звереет, и, как рассказывали в школе, ярость благородная вскипает как волна.

Здесь до ярости было далеко. Людское стадо под присмотром погонщиков разбрелось по склону и занялось выкорчевыванием кустов и молодых деревьев.

– Сережа, – мяукающее позвала Звезда.

Я продолжал разглядывать крепость и работающих людей. Происходящее мне не очень нравилось.

– Знаешь что, – ответил я, – не нравится мне здесь. Пойдем-ка в другую сто...

Я обернулся и осекся. Звезда сверлила меня глазами, будто пыталась на что-то намекнуть. Намеки были уже излишни. На другом конце моста, там, куда я собирался уйти подальше от кремля, стоял крепкий парень лет двадцати пяти с ружьем. Ружье смотрело на меня. Кажется какой-то ТОЗ. Но с нескольких десятков шагов, что гладкоствольное, что нарезное – радости мало.

– Привет, – улыбнулся парень, не опуская ружья.

Ощущения были странными. С одной стороны, я чувствовал радость оттого, что впервые за полтора месяца слышу родную речь без акцента. С другой – ни соотечественники у кремля, ни братан с ружьем, готовый сделать во мне дырку, счастья не добавляли.

– Здорова, земля, – нарочито простецки отозвался я. – Ты ствол-то опусти.

– Со стволом-то я разберусь, – так же улыбочиво сказал парень. – А ты арматурку-то бросай. Земля.

Последнее слово прозвучало с издевкой.

– Сережа? – Звезда вскинула бровь в непонимании. Видимо мягкий тон и улыбки сбили ее с толку. – Что случится?

¹⁰ Строчки из стихотворения Сергея Есенина.

Знать бы что случится, соломки б подстелил.

– Ничего не случится, – спокойно сказал я и отбросил арматуру.

– Вот это правильно, – благосклонно кивнул парень. – Серега, значит?

Я кивнул. Парень подошел чуть ближе, но расстояние выдерживал и ТОЗ не опускал.

– Я Толян, – представился он небрежно. – А бабу как звать?

Моя спутница привычно замыкала. Толян изменился в лице, крикнул, озадаченно посмотрел на меня.

– Звезда, – пояснил я.

– Окейно, – кивнул Толян. – Ну чо, топайте, звёзды. А я следом.

Сказано это было все в той же ненапряжно-опасной манере. Я кивнул и пошел вдоль светящейся стены по мосту, в сторону кремля. Можно, конечно, в стену метнуться и снова уйти, но далеко ли? И потом – какой в этом смысл? Все-таки здесь свои. Не тайцы, не китайцы и прочие Балодисы. Со своими договориться можно завсегда.

В последнем я далеко не был уверен, но шарахаться еще и от своих совсем не хотелось. Устал я шарахаться. Такая хрень.

Парень позади будто споткнулся, сбился с ходу. Звякнуло. Снова зашуршали шаги. «Подобрал мою арматуру, – пришла догадка. – Бережливый».

Мост закончился. Я хотел оглянуться на Толяна, но тот сам подал голос:

– Левее забирай.

Я послушно повернул влево. Сквозь асфальт растительность пробивалась не сильно. Зато дальше, где раньше видимо было что-то типа парка, теперь поднимался натуральный лес.

– Там тропинка будет, – пояснил словоохотливый Толян.

Он был мил и любезен, но я чувствовал прицел ТОЗа настолько, что чесалось между лопатками.

– Опустит ружье, – попросил я.

– Не ссы, стрелять не стану, если вы дурить не будете, – усмехнулся Толян. – Фара велел тех, кто на мост приходит, в целости и сохранности доставлять.

– Часто приходят? – заинтересовался я.

– Нечасто, но всегда из каких-то других краев. Странное там место. Обычно, когда за свет ходишь, только голоса слышатся. А в этом месте, если кто из-за света выходит, то всегда из другого города. Вот вы откуда?

Я повел плечами.

– Из Бремена, – мягко, с мяукающим акцентом вклинулась Звезда, которой, видимо, надоело молчать.

– Крутоташечки-тата, – обрадовался Толян. – А это где?

– Где музыканты бременские. А что, если в том месте обратно через свет идти? Тоже в другой город попадешь?

– Ага, щаз! – фыркнул Толян. – Раскатал губень. Если обратно, то с моста в речку навренешься. А там все то же самое. Только голоса шепчут.

– Чего шепчут?

– Анекдоты рассказывают, – буркнул Толян. – Много спрашиваешь и не по делу. Запоминай: Фара пустых вопросов не любит. Запомнил?

Слева мелькнула тропинка, если это можно было так назвать. Я повернул, выставил руки вперед, чтобы защититься от лезущих в лицо веток.

– Запомнил.

– И бабе своей объясни, – продолжил наставления парень.

– Она своя собственная. И по-русски сечет.

Сзади послышалось довольное сопение.

– Не твоя, значит?.. А сиськи у тебя классные.

Последняя реплика относилась явно не ко мне. Я украдкой улыбнулся себе под нос. Звездочка сама решает, кто ей нравится, кто нет. Если Толян ей не придется по нраву, то получит в пятак совсем не по-женски. А если он ей понравится... Я улыбнулся шире. Сюрприз Толика ждет в любом случае.

Моей ехидной лыбы парень не видел, а потому подвоха не заподозрил. Растительность пошла гуще. Я замолчал и какое-то время активно работал руками.

– А Фара – кто? – спросил я, когда кущи немного поредели.

– Григорий Фарафонов. Большой человек. Вся кремлевская община под ним.

Во как! Община, значит. Посмотрим.

– Понятно, – сказал я только для того, чтобы что-то сказать.

– Что тебе понятно? – в голосе Толяна появились высокомерные нотки. – Фара здесь решает всё. Прикажет тебя, к примеру, со стены скинуть – полетишь, не сомневайся.

– Меня вроде не за что.

– Вот и старайся, чтобы причин не появилось. Здесь все стараются.

Впереди приближались голоса и треск подрубаемых веток. Тропинка провела нас сквозь заросли и вынырнула на белый свет ровно в том месте, которое просматривалось с моста.

Поодаль, ближе к воротам, дымили остывающими углями кострища. У ворот стояли вооруженные крепкие мужики на одно лицо. Еще несколько таких безликих взирали, как работают десятки людей.

Кромка зарослей и открытое пространство напоминали муравейник. Здесь каждый был занят своим делом. Люди рубили деревья и кусты. Выкорчевывали корни. Отволакивали срубленное и выкорчеванное в сторону, расчищая пригорок у крепостной стены. Работали большей частью старики и подростки, пару раз мелькнули женские фигуры.

Толян свистнул. На резкий звук вскинулся и подбежал один из вооруженных мужиков. Видно, парень не последний человек, раз на его свист тут так подпрыгивают.

– Стопорни, Серега, – благодушно окликнул меня Толян.

Я послушно остановился. Обернулся. Толян о чем-то тихо переговаривался с мужиком. Ствол ТОЗа по-прежнему ненавязчиво смотрел в мою сторону. Милый парень.

Звездочка стояла между мной и Толяном и, судя по выражению лица, с каким она смотрела на нашего конвоира, думала примерно о том же. Только в слово «милый» Звезда явно вкладывала несколько иной смысл, нежели я.

Толян закончил разговор и зашагал к воротам.

– За мной, – бросил он на ходу.

Неужели мы больше не под прицелом и он нам спину подставит? Осмелел, не иначе. В безопасности себя почувствовал.

– Не понял? – рыкнули сзади. – Топай.

Я оглянулся. Мужик, с которым говорил Толян, качнул стволом обреза, приказывая идти за нашим конвоиром.

Нет, не расслабился и спину не подставил. Хитер Толян. Косит под простачка деревенского, а сам тот еще лис.

Мы прошли через ворота. Звезда вертела головой, с любопытством разглядывая незнакомую архитектуру. Я тоже не удержался от пары уважительных взглядов, оценивая толщину крепостной стены. Умели наши предки строить. И воевать умели, если умудрялись брать такие крепости, владея лишь примитивным оружием.

Внутри кремля тоже кипела работа. Вообще древняя крепость напоминала муравейник: жесткая иерархия, четкое разделение, все при деле. До спячки бы где с таким энтузиазмом и покорностью работали. Хотя до спячки многие пинали в свое удовольствие, а здесь лица не

сказать что радостные. Видно, многие пашут из-под палки. Да и надзиратели с обрезами и ружьями явно не для красоты стоят.

Справа от ворот высилась звонница, дальше торчали соборные маковки, проржавевшие крыши внутренних построек, судя по архитектуре понатыканных здесь сравнительно недавно.

Деревьев и кустов внутри крепости было сравнительно немного, но, судя по рыхлой земле, здесь тоже пришлось попотеть, чтобы от них избавиться.

Я ждал, что Толян потащит нас в одно из наиболее сохранившихся зданий, но ошибся. Он забрал правее и потопал вдоль стены, не углубляясь в дебри внутрикрепостной застройки.

– Мы куда? – не выдержал я.

– К Фаре. И я предупреждал тебя про глупые вопросы, Серега.

Остановился Толян у крохотной кривой не то церквушки, не то часовни. Постройка была перекошена настолько, что у нее не осталось, кажется, ни одной ровной стены. Я с удивлением поглядел на проводника. Не хочет ли он сказать, что их главный живет в этом кривом сарае с луковкой на крыше?

Толян ничего говорить не собирался. А так как он советовал не спрашивать лишнего, смолчал и я.

– Ждите здесь, – велел парень и, отворив низкую дверь, нырнул внутрь.

Я переглянулся со Звездой. Та смотрела настороженно, непонимающе. Подбодрить бы ее надо, все-таки не дома. Для нее русские должны быть такими же инопланетянами, как для меня тайцы. Я подмигнул Звездочке, она вяло улыбнулась в ответ, поежилась.

Время шло, ничего не происходило. От нечего делать я принялся изучать мужика с обрезом. Тот изображал эталон отстраненности.

– Эй, меня Серегой зовут, – попытался я завязать беседу.

Конвоир покосился на меня с таким видом, как если бы на моем месте была куча дерьма, и она решила бы подискутировать.

– Пофиг, – не очень любезно отозвался мужик с обрезом.

– Ладно, понял, настроения разговаривать нету. Один вопрос, и я отстану.

Конвоир снова покосился на меня, как на раздражающее недоразумение.

– Что это за город?

– Новгород.

– Нижний?

– Нормальный, – недовольно ответил мужик и качнул стволом, давая понять, что лучше заткнуться.

Как мне подсказывала память, Новгорода было два. Один Нижний, который раньше обзывали Горьким. Второй Великий. Который поминался в учебниках истории как Господин Великий Новгород. Кремли, если мне память не изменяет, были в обоих. Я не был ни в одном. Потому для меня что тот, что другой город – разницы ноль.

Хотя нет, вру, есть разница. От Нижнего до Москвы ехать недолго и можно даже на электричке, это я, кажется, у Прилепина читал в какой-то книжке. А Великий вроде где-то под Питером. Выходит, лучше Нижний. От него до дома ближе.

Скрипнула дверь, из часовни высунулась рожа Толяна, молча кивнула мне, заходи мол. Я подошел ближе, поддержал дверную створку. Толян как-то хитро извернулся, юркнул мимо и оказался за спиной, между мной и Звездой. Руку он выставил ладонью вперед, словно пытаясь остановить Звездочку. Может, и в самом деле пытался, но ладонь конвоира ненавязчиво улеглась на грудь моей спутнице.

– Иди, – поторопил Толян. – Тебя ждут. А барышня здесь пока побудет. Не волнуйся, я ее развлеку.

Улыбка на роже Толяна сделалась шире. Я пожал плечами: охота пуще неволи.

– Смотри не пожалей.

– Дурак ты, Серега, – расхохотался Толян.

Я снова пожал плечами и вошел внутрь. Мое дело предупредить, а там пусть сами разбираются. Люблю я самоуверенных балбесов. Они так искренни в иллюзии своего всезнания и опытности.

Ну, вот сам и расхлебывай, Толя, раз такой опытный.

За спиной хлопнула дверь. Я прищурился после яркого солнечного света.

Внутри было сумрачно. Свет сюда попадал через маленькие низкие окошки. В одно из них выходила труба стоящей в углу буржуйки. В чреве подернутой ржавчиной печурки гудело пламя.

Только теперь, попав в жарко натопленное помещение, я ощутил насколько холодно на улице. А Фара не дурак, грамотно себе дом выбрал. Небольшое помещение топить всяко проще, чем зал во дворце или нутро храма. И потом, здесь он может жить один, уединиться, организовать личное пространство.

Глаза привыкли к полумраку. Стало видно старый, обшарпанный, но еще крепкий стол. Несколько подправленных, реанимированных стульев. Настил в углу, в стороне от буржуйки, заменяющий кровать.

На импровизированной кровати кто-то спал. Но явно не «важный человек Григорий Фарафонов» – из-под тряпья, игравшего роль одеяла, выглядывала голая женская нога.

– Хорош на мою телку пялиться, – одернул сбоку хриплый голос.

Я повернулся. Справа от входа, практически слившись со стеной стоял невысокий, жилистый мужик и изучающее смотрел на меня.

Отчего-то сразу вспомнился мой дружан Борян. Кажется, они с Фарой были одной породы. Жилистые, не крупные, но опасные. Борян за это получил погоняло Борзый. Местный авторитет Фарафонов кличку заимел явно от фамилии, но в жесткости мог бы потягаться с Борисом, это было видно с первого взгляда.

Эх, не хватает тут Борзого. Он бы знал, как с этим кренделем говорить. И почему Борис не поехал со мной и Олежкой? Подумаешь, контракт. Мог бы перенести подписульки на неделю-другую. При воспоминании об Олеге в груди заворочалась грусть.

– Извините, – тихо сказал я хозяину кремля. – Не видно ничего со свету.

– Хер ли тут извиняться? – фыркнул мужик. Прошел к столу, кивнул на второй стул: – Садись.

После чего уселся сам.

Я принял приглашение. На спящую в углу девушку больше не смотрел. Зачем нагнетать, если Фара так серьезно к ней относится. Чего я, баб не видел, что ли?

– Сергей, значит?

Я кивнул.

– А вы Григорий?

– Тебе не сказали, что ли, что меня Фарой кличут?

– Сказали, – замялся я. – Но вроде как-то не очень вежливо к незнакомому человеку так... Лучше по имени.

Фара показал зубы, я не сразу понял, что этот оскал – улыбка.

– А ты не дурак, – похвалил он. – Чуешь людей. Ко мне лучше по имени. Не люблю кликухи.

«Конечно, чую, – злорадно подумал я. – Пять лет тачки впариваю клоунам типа тебя».

Но чувствовать, с кем столкнулся – это одно, а уметь себя с ним вести – совсем другое дело. Борис бы говорил с этим мужиком на равных, а то бы и за пояс заткнул. А я... а что я? Как менеджером был, так и остался. И для людей такого пошиба я могу быть или аферистом, пытающимся напаять, или обслуживающим персоналом, рассказывающим сказки про дорогие тачилы.

В данной ситуации разумнее было бы изображать вежливый обслуживающий персонал. Главное – самоуважения не терять. Если понадобится, афериста потом показать можно. Маска покорного слуги образу афериста не мешает. Аферист должен уметь притворяться.

– Рассказывай, – предложил Фара.

– А что рассказывать?

– Где проснулся?

А он тоже не дурак. Другой бы спросил «откуда пришел?», как это сделал Толян.

– В Паттайе. Таиланд.

Фара цыкнул зубом.

– Чего там делал?

– Отдыхал. Вам это, правда, интересно? – удивился я.

– Не особенно. Но я должен знать по максимуму о человеке, который остается в этих стенах.

Я напрягся. Планов оставаться здесь у меня не было, но с ходу спорить с авторитетом, на которого здесь сотни человек батрачат, не хотелось.

Фарафонов, видно, уловил мое состояние.

– Чего замолчал? Я не обижу. У меня здесь все сыты и одеты.

– Вам нужен лишний рот? – осторожно поинтересовался я.

– Мне нужны лишние руки.

В углу на настиле завожилось. Я краем глаза уловил движение. Девушка, прикрывшись тряпьем, что заменяло одеяло, приподнялась на локте.

– Киис, кто у тебя тут?

– Тайцы, – хрипло отозвался Фара и встал из-за стола.

Я поднялся следом.

– Так, гуляй пока. Толян вам даст во что одеться. Здесь холодно. Если надо, покормит. Все свое барахло сдадите в общий котел. Вечером еще расскажешь. А там решу, что с вами делать.

Фара разговаривал со мной так, будто я уже был его собственностью. Чем-то вроде домашней скотины, которую, безусловно, надо любить, которая требует ухода, но не имеет права голоса. А в конечном итоге – нагуливает жирок и отправляется на мясо.

Стараясь быть вежливым, я добивался явно не такого отношения. С другой стороны, везде есть свои плюсы. Например, мы все еще живы. А если верить Толяну, этот Фарафонов мог нас и со стены уронить.

– Ну, чего тупишь? – прохрипел Фара. – Шуруй отсюда.

...Путешествие до отеля вышло долгим. Прикидывая его месторасположение, я представлял, что туда можно добраться практически по прямой – либо топя береговой линией, либо выбравшись на шоссе.

Пляжи, хоть городские, хоть отельные вряд ли могли зарasti. Даже за сто лет. Почва не та, плюс приливы. А вот на шоссе, судя по тому, что творилось вокруг, могли вырасти полноценные джунгли. Идти береговой линией мне казалось проще.

Звезда выбрала второй путь.

– Thāngdwn,¹¹ – мяукала она и тащила меня за рукав через полумертвый город.

Живые люди помимо нас нашлись довольно быстро. Потерянные, непонимающие, напуганные. Соотечественников или хоть каких-то иностранцев я не встретил ни разу. Кругом были одни тайцы. Звезда несколько раз останавливалась, заговаривала, но беседа не клеилась.

¹¹ Автострада (тайск.).

Обычно общение заканчивалось в несколько реплик. Один раз идущая навстречу женщина после пары оброненных фраз кинулась Звездочке на шею и ударилась в истерику.

О чем они говорили? Чего хотела та женщина? Это для меня навсегда осталось загадкой. Да и, признаться, разгадывать ее я не очень хотел. Зачем мне чужая Санта-Барбара, идущая мимо?

Город выглядел жутковато. Серые, заросшие дома, растрескавшийся асфальт. Гроздь проводов, оплетенных лианами. Проржавевшие насквозь остовы автомобилей. Мотоциклы и мопеды... До отключки, судя по тому, что я успел увидеть, они были едва ли не любимым транспортным средством местных жителей.

Сон накрыл людей неожиданно. Не разбираясь, кто чем занят. Я попытался представить себе, как кувыркались люди, заснувшие в седле мотоцикла на скорости далеко за сотню километров в час... По спине побежали мурашки.

Нет, мне однозначно повезло, если судить по количеству мертвяков и человеческих костей вокруг.

Мертвые попадались чаще, чем живые. Свежие трупы реже. Скелетированные останки – на каждом шагу. Причем скелеты не всегда были целыми, зачастую у них не хватало конечностей. Видимо трупы растаскивали местные собаки.

Интересно, сколько времени прошло, пока мы спали? С собаками я всегда находил общий язык. Даже с дикими, которые бегали по моему двору в Москве, наводя ужас на местных старушек. Но сохранились ли в новом мире собаки, которые помнят, что такое человек? Собачий век не так и долог. А времени, судя по разрухе, прошло до хрена и больше. Если у местных четвероногих друзей памяти о человеке не осталось, то встреча со стаей собак или даже одним матерым волкодавом может закончиться неприятно.

По счастью, собак мы не встретили. Город кончился. Мы вышли на шоссе. Когда-то добраться отсюда до моего отеля было просто, как сложить два и два. Вышел, поднял руку и всё. Либо останавливался тук-тук – тайская помесь рикши с маршруткой, либо кто-то из местных, жаждущих подзаработать.

Один раз мы с Олежкой ловили машину, а поймали тайца на каком-то навороченном скутере. То, что нас на его двухколесной мелкашке будет трое, тайца ни разу не пугало. Мы с Олегом были достаточно нетрезвы для эксперимента и до отеля ехали втроем на одном мопеде за сотню бат, со скоростью под сотню километров в час.

Теперь здесь не было ни машин, ни скутеров, ни тук-туков. Те, что остались, пришли в негодность и слились ржавыми останками с зеленеющим одичавшим пейзажем. Шоссе почти не было видно, джунгли с невероятной лихостью отвоевывали свое.

Еще вчера – а по ощущениям для меня не прошло больше одной ночи – я ехал здесь по ровной широкой свободной автостраде, а сегодня быстрый путь до отеля превратился в долгую прогулку по тропическому лесу.

Я старался не думать о том, что происходит вокруг. Если пытаться разобраться в этом в одиночку, можно спятить. А у меня не было даже собеседника. Звездочка по-русски могла спеть «Калинку-малинку», по-английски «Yesterday», но собеседник из нее был никакой. А Олечик остался в отеле.

Кто бы только знал, как я мечтал поскорее найти Олега.

Нашел.

В отеле царило все то же запустение. Центральный корпус походил на колодец. Номера, этаж за этажом, громоздились по кругу. Внизу, в центре, на огромном открытом пространстве расположились кафе, ресторан, стойка ресепшена. Посреди этого огромного, окруженного номерами зала вверх и вниз ползали красиво подсвеченные лифты.

Раньше, до отключки. Сейчас четыре кабины висели черными мертвыми громадами.

Нас окликнули по-тайски. В дальнем углу скучковалась группа местных жителей. Звезда направилась в их сторону.

Не сейчас!

Бросив тайцев, я кинулся к лестнице. В спину что-то крикнули. В жопу вас ребята, потом разберемся. Сперва – найти Олега.

Двери на лестницу покорежило. Какие-то просто попадали, оставив деревянную труху на вывернутых петлях. На лестнице было грязно, пыльно и гулко. Глухо стучали мои шаги. Глухо колотилось сердце.

Пока добрался до двенадцатого этажа, дыхание сбилось окончательно.

Ковровая дорожка на полу из красной превратилась в серую. Света не было, электронные замки на дверях не работали. Знакомые номера, за полторы недели отдыха ставшие почти родными, нашлись быстро.

Вот мой 1212, вот Олежкин 1214. Двери рядом. Тринадцатого номера между ними нет. В отеле вообще нет ни одного тринадцатого номера и даже тринадцатого этажа: за двенадцатым сразу идет четырнадцатый. Такая хренька.

Я подбежал к четырнадцатой комнате. Закрыто.

Олежка должен быть в номере. Должен. Обязан. Он остался в отеле, снял шлюху и, даже если бы проснулся посреди этого хаоса, не поперся бы искать меня непонятно где. Дождался бы.

– Олег! – позвал я.

Тишина. Мысли прыгали, как встревоженные белки. Что же ты не отвечаешь, дружище? Я ударил плечом в дверь. Хрустнуло.

– Олежа!

Со второго удара створка провалилась внутрь, я кувырнулся за ней следом и едва удержался на ногах посреди коридора. Дверь в санузел была закрыта, зато номер с распахнутым балконом и огромной кроватью просматривался на ура.

Здесь тоже было пыльно и грязно. Но грязь и пыль прибило и размыло водой захлестывавшей не один год через балкон. Кроме разводов обычной грязи остались белесые разводы от бетонной пыли.

На провалившейся кровати высилась груда бетонных осколков.

– Олежка, – горло перехватило, и имя приятеля я почти прошептал.

На негнущихся ногах прошел в комнату.

В потолке над траходромом зияла дыра. Перекрытие тут не выдержало атаки времени, а может какого-то природного катаклизма. Кто знает, какие землетрясения и цунами здесь гуляли, пока я спал...

Под кучей бетона на кровати были люди. Не сейчас. Давно. Очень давно.

Я подавил желание броситься к завалу и начать бесполезные и ненужные попытки его разгрести. Медленно опустился на пол возле кровати.

Олежка никуда не делся из номера. Он заказал шлюху. Потом отключился вместе с ней...

Он дождался меня в этой чертовой отельной комнате, которая по всем законам должна была носить тринадцатый номер. Вот только он не проснулся. Умер под обломками вместе со своей одноразовой подругой.

Из-под груды бетона торчали сцепленные в порыве страсти руки. Кисти рук. Кости...

Во всяком случае, им было не плохо, в отличие от меня.

Я сидел на пыльном грязном полу в номере с рухнувшим потолком и двумя трупами. Один, в чужой стране. И вокруг происходило непонятно что. Уже произошло...

Примерно в этом месте я замолчал и уставился в костер. Говорить не хотелось. Воспоминания об Олеге разбредили рану, которую я давно считал затянувшейся. Нет, конечно, сейчас

было не так пусто и горько, как тогда, когда я сидел на полу в номере и каждой клеточкой ощущал, что единственная нитка, связывающая меня с домом, оборвалась, но все равно чувствовал я себя паршиво.

Говорят, человек, который не может отпустить умершего, эгоистичен. И душа у него болит якобы не оттого, что ему жаль близкого, а оттого, что ему жаль себя. Как он будет без покойника дальше?

По-моему, это ерунда. Ведь живу же я дальше. Спокойно живу. А Олега нет. И не будет. Не будет молодого крепкого жизнелюбивого мужика. Подкаблучника, вырывающегося из-под каблука, чтоб пуститься во все тяжкие, но всегда возвращающегося обратно под каблук. Дурного, но в сущности хорошего. Он никогда больше не снимет авторское кино, о котором мечтал. И мечтать не будет. И даже очень плохого рекламного ролика он больше никогда не снимет. Жалко.

Жалко не себя, а его. А еще его жену и ребенка, которым без него никуда. И мать-пенсионерку. Хотя в новых реалиях есть у тебя пенсия или нет – без разницы.

Хорошо, что у меня никого нет. Родители умерли, семья не сложилась.

Хорошо Боряну, который не полетел с нами, а остался подписывать договор. Он рядом с матерью и рохлей-братцем.

И мне, и Борису в какой-то степени повезло. А Олегу и его семье – нет.

Я сердито сплюнул и повернулся к слушателям. У костра, что разожгли недалеко от жилища Фары, собралась группа человек в двадцать. Здесь были особы приближенные, избранные, так сказать. Другие жители кремля сидели у других костров. А кого-то и вовсе загоняли в бараки в приказном порядке. Тем, кто с утра пойдет расчищать склоны от растительности или ловить рыбу, ни к чему сидеть и травить байки.

Мы со Звездой попали к самому главному костру. Но только на этот вечер. Такая традиция здесь сложилась, привилегия для пришлых из червоточины. Так мне объяснили еще днем.

После того, как я вышел от Фарафонова, нас повели по ключевым точкам кремля. Сперва на «склад», где Звездочке пришлось оставить рюкзачок с нехитрыми пожитками, которых у нас после последних стычек осталось всего ничего. Зато вместо нужных и не очень вещей, нам выдали куртки. И хотя воздух прогревался на глазах, это было кстати. Правда, насколько кстати, стало понятно только к вечеру.

Потом мы познакомились с местной «столовой», где нам наплескали по паре половников рыбной похлебки. Рыба – единственное, чего в кремлевской общине было в достатке. Ловили ее тут же, в Волхове, прямо у кремлевской стены. Рыбы за три десятка лет без людей расплодилось много, как и прочего зверья. Это я заметил еще в Таиланде.

На выходе из местной жральни нас караулил Толян, который сообщил, что до вечера свободен и покажет нам здесь всё. Любезность Толяна распространялась большей частью на мою тайскую подругу. Он активно клеился, и уже через десять минут стало окончательно понятно, в честь чего парень освободил себе половину дня.

Звезда улыбалась, мяукала что-то. Толян ей явно нравился. Я оказался третьим лишним, но избавиться от меня в сложившейся ситуации было невозможно. Оставалось набивать Толику оскомину своим присутствием и бесконечными вопросами. А их скопилось немало. И если их не стоило задавать Фаре, то Толяну можно было запросто, чем я и пользовался без зазрения совести.

Так я выяснил, что кремль Великого Новгорода после пробуждения делили между собой два конкретных пацана, но когда дело дошло до поножовщины, второй слился, потому что Фара крут. За Фарой сила. Правда, бараны этого не понимают, но кто их, баранов, спрашивает?

Толян сыпал корявеньким жаргоном. Баранами он называл тех, кто жил в кремле на правах черни, работал за пайку и имел минимум свободы. Таких было большинство. Считаться с ними Толян не считал нужным.

«Фара их кормит, одевает и защищает. Без Фары они бы загнулись», – объяснил он. То, что силами этих людей кормится, одевается и защищается и Фарафонов и все его окружение, в голову Толянцу не приходило. Намекать ему на это я поостерегся. До вечера я должен был вести себя тише воды ниже травы. Именно вечером решалась наша судьба. Так сложилось.

По местной традиции всякий пришедший из червотчины в первый вечер допускался к костру Фарафопова и выступал в роли шута, или Шахерезады. От того, какие байки он травил, зависело будущее. После первого вечера можно было с равным успехом как остаться у правительственного костра на привилегированном положении, так и получить клеймо барана и отправиться выполнять черновую работу за пайку.

Я планировал уйти.

– А дальше что? – хриплый голос Фары вернул меня в реальность.

Я отвел взгляд от костра.

– Дальше... Пару дней в отеле поторчали. Потом один крендель пришел безумный. Рассказал про стену светящуюся в джунглях, мол, там люди пропадают. Чего-то про духов плел.

– В духов веришь? – с усмешкой спросил кто-то из сидящих рядом с Фарой.

– В духов я не верю, а светом заинтересовался. Ну и пошел. Звезда со мной увязалась. До сих пор не понимаю почему.

– Любит она тебя, – раздался за спиной женский голос.

Я обернулся, чтобы ответить и подавился словами.

Она была невероятно красива. Высокая, стройная, молодая. С умопомрачительными формами и золотистыми волосами. В глазах ее плясали черти, а когда улыбнулась, на щеках появились очаровательные ямочки.

– Яна, иди сюда, – хрипло приказал Фарафонов.

Девушка легко перепрыгнула через бревно, на котором я сидел, подошла к хозяину кремля и послушно села рядом.

Я попытался отвернуться, но взгляд к Яне притягивало словно магнитом. На нее хотелось смотреть бесконечно долго. Ей хотелось любоваться.

Фара поймал мой взгляд, недобро оскалился.

– Что, опять со свету ни хрена не видишь?

Я поспешно отвел глаза. Сказал для всех, отвечая Яне:

– Это невозможно. Между нами ничего нет и быть не может.

Я огляделся по сторонам, Звездочки в пределах видимости не наблюдалось.

– Кстати, где она?

Оскал Фарафопова стал шире.

– С Толяном она. На звезды пошли посмотреть. А ты чего так взволновался, если между вами ничего нет и быть не может? Или может?

Я покачал головой.

– Чего это? – полюбопытствовал Фара.

– Она Звезда... – начал я.

– И ты стусевался? Какая она там звезда? Захолустного тайландского театра?

– Травести-шоу, – честно ответил я.

Над костром повисла тишина, нарушаемая потрескиванием углей. Кто-то глупо хихикнул.

– Так она что, этот?... – фыркнул Фарафонов.

Смешки послышались уже с разных сторон.

– Трансвестит, – подтвердил я.

Похихикивания окрепли, переросли в ржач, а еще несколько секунд спустя, будто специально дожидаясь этого разговора, над кремлем взвился полный леденящего ужаса вопль, и

из соседних кустов выскочил Толян. Глаза несчастного парня были совершенно безумными. Подтягивая на ходу штаны, он пронесся мимо костра и умчался в ночь.

У костра ржали, уже не стесняясь. Новый приступ гомерического хохота накатил, когда из тех же кустов вышла Звездочка и направилась к нам.

Да, Толяну эту историю теперь еще не раз припомнят. А ведь предупреждал я его.

Моя тайская подруга подошла к костру, опустилась на бревно рядом со мной, оглядела покатывающееся от смеха окружение Фарафонова. Объяснять ей, над чем тут смеются, нужды не было. Может Звезда не так хорошо владела русским, но душой не была.

Она грустно улыбнулась и с достоинством сообщила:

– Khxbkhun māk sàhrāb wān nī.¹²

Непонятая реплика вызвала новую волну смеха. Даже Фара жестко скалил зубы.

Мне это не очень нравилось. Сам того не желая, я вдруг поймал себя на том, что переживаю за Звезду и ее расстроенные чувства. А она ведь к Толяну шла с душой и симпатией. Но вступить сейчас за честь трансвестита, и набить хотя бы одну из смеющихся физиономий было равноценно самоубийству.

Да и смешно же. В другое время в другом месте я бы и сам посмеялся над подобной ситуацией. Но здесь и сейчас смеялись над моей Звездочкой. И это было не смешно.

Я сидел и молча играл желваками. Переводил хмурый взгляд с лица на лицо. Не смеялась только Яна. И Фара. Во всяком случае, когда я посмотрел на него, предварительно скользнув глазами по девушке, на лице авторитета уже не было и следа оскала.

Ржач понемногу сошел на нет.

– Зачем вернулся? – неприязненно спросил Фарафонов.

– В смысле? – не понял я.

– В прямом. Зачем в Россию вернулся?

– Домой захотелось, – чувствуя, как заражаюсь неприязнью, ответил я.

– Патриот, – хихикнул кто-то.

– Идиот, – спокойно констатировал Фара.

Я стиснул зубы, процедил сдерживаясь:

– С чего это?

Толян оказался прав во всем. Мы со Звездой были для Фарафонова и его прихлебателей шутами. Развлечением на один вечер.

– Там тепло, – с ледяным спокойствием произнес большой человек. – Бананы на деревьях. А здесь зима скоро, и жрать нечего. Если б я там прочухался, хер бы куда пошел.

– Вас там не было, – тихо, но твердо сказал я. – Если бы проснулись там, думали бы по-другому.

У костра снова наступила тишина.

– Ты, что ли, спорить со мной вздумал? – со смесью брезгливости и любопытства поинтересовался Фара.

– Я тоже всю жизнь хотел отсюда уехать. Думал, что там лучше.

– Там лучше, – уверенно отрезал Фарафонов. – Ладно, шабаш, парни.

Фара поднялся, посмотрел на меня.

– Завтра поработаешь собирателем. А там посмотрим. Твою... – он осекся, подбирая слово. – Звезду на кухне пока пристроим.

Я поднялся вслед за Григорием и впервые посмотрел на него в упор.

– Слушай, – сказал я, переходя на «ты», – отпусти нас.

– Куда собрался?

– Домой. В Москву.

¹² В данном случае: Спасибо за приятный вечер (*тайск.*).

– До Москвы шесть сотен километров. Машин нет. Кругом лес. Скоро холода. Останетесь до весны. Будете хорошо работать, посмотрим. Может, и отпущу.

Сказано это было так, что стало ясно: не отпустит.

Вот ведь попал.

Настроение испортилось окончательно, и стало теперь ничуть не лучше, чем у Звезды. Фарафонов ушел, прихватив с собой Яну. Нас отвели в один из общих бараков, под которые приспособили половину внутренних построек кремля. Но не в тот, который запирался и охранялся. Значит в «бараны» нас пока не записали. И то радует. Знать бы, чего тут собирают эти собиратели, одним из которых мне предстоит работать. И где. А то, может, сбежать удастся.

За этими мыслями я улегся на жестком холодном полу в углу, на который мне указали, и закрыл глаза. Сон навалился практически сразу.

Чудесный сон. Мне снились Борян и Олежка. Живой Олежка.

...С Боряном и Олежкой я был знаком еще со школы. Но не скажу, что сдружились мы сразу. Нет. В классах помладше я все больше тусил с Олегом. Борян дразнил Олега жирдяем, а меня – мелким фуфлом, которое дружит со всякими крестинами.

Олег и вправду был тогда весьма увесист, что, впрочем, не мешало нашему общению. И кретином я его не считал, а вот Борьку воспринимал как зарвавшегося выскочку. Наверное, именно тогда к Боряну прицепилась его кличка – Борзый. Прицепилась на всю жизнь.

Борька Киселев не только борзел, оправдывая свое погоняло, но и внешне чем-то напоминал борзую.

Время шло, мы менялись. Классу к десятому не то я повзрослел, не то Олег поглупел, но общаться с Жирдяем, который к тому моменту, кстати, жирдяем уже не был, стало невыносимо тоскливо. Зато Борзый начал относиться ко мне лояльнее, да и мне самому стало с ним неожиданно интереснее.

Потом был последний звонок, экзамены, выпускной и прощай школа. Дорожки наши разбежались. Я поступил в институт и долго топал к диплому, в котором по итогам обучения должно было фигурировать модное по тем временам слово «менеджер».

Впрочем, к концу моего обучения, мода на слово сошла, а менеджеров развелось как собак нерезаных.

С Жирдяем Олегом и Борькой Борзым мы встретились на пятилетии нашего выпуска. Я только-только закончил институт и работал в автосалоне. Олежик растерял остатки детской припухлости и стал крупным накачанным красавцем. Он единственный из нас троих женился, а кроме того заканчивал какие-то не то ВГИКовские, не то телевизионные курсы и мечтал о большом кино. Борис остался верен себе: характером был нагл и напорист, а внешностью кажется еще больше стал напоминать русскую борзую. Баб он менял как перчатки, чем вызвал зависть у женатого Олега. А вот чем занимается – так и не рассказал.

На той встрече собрался практически весь наш класс, но когда сошли на нет отчеты кто, как и где устроился, темы для разговора у меня остались только с ними. И мы неожиданно друг для друга сошлись снова.

Потом было еще много встреч и пьянок. Много чего было.

Я прилип к своему автосалону, торговал тачками. Не сказать, что имел много, но и не мало. Продавать машины у меня выходило всяко лучше, чем у Борькиного старшего брата-риэлтора торговать квартирами. С другой стороны, брат Борзого всегда был тютей.

Олег забросил мечты о большом кино, разве что иногда по пьяни обещал забавать из своего кармана фестивальную короткометражку. Сам снимал рекламные ролики, колошматил бабки и страдал под пятой любимой жены.

Борзый раскрутил свой бизнес и вообще устроился лучше нас всех.

Но дружба между нами сохранилась и перешла на новый качественный уровень. И Борзый и Жирдяй были настоящими друзьями. Такими, каких за всю жизнь случается не больше, чем пальцев на одной руке. Такая хренька...

Гордым словом «собиратель» в кремлевской общине большого человека Григория Фаронова назывались обыкновенные мародеры. Это стало понятно после инструктажа, который мне по утру выдал недовольный Толян.

Моей текущей задачей было перейти на ту сторону Волхова через кремлевский мост – пешеходный, а не тот, на котором нас вчера подобрали на выходе из червоточины, – и, не особенно углубляясь внутрь квартала, обыскивать все пустующие квартиры, магазины и офисы на предмет любых полезных вещей.

– Сбежать не вздумай, – завершил наставления Толян. – У нас там посты. Поймают, приведут обратно. А у Фары с беглецами разговор короткий. Понял?

– Понял, – кивнул я. – А он тебе еще позволяет себя Фарой называть, после вчерашнего? Толян помрачнел еще сильнее, став пасмурным, как сегодняшнее небо.

– Козел ты, Серега, – буркнул он недовольно. – Мог бы и предупредить, что у нее там...

– Я предупреждал.

– Фигово ты предупреждал. Конкретнее надо мысли выражать.

Я пожал плечами и двинул к мосту.

– А ты сам-то чего его с собой таскаешь? – догнал меня голос Толяна. – Или это... Лучше нет влагилица, чем очко товарища?

Я обернулся на ходу и рассмеялся ему в лицо. Точно так же, как он вчера смеялся в лицо мне.

– Дурак ты, Толя.

– Пошел ты, – огрызнулся он, но я уже не слушал.

Собирательство оказалось занятием более гнусным, чем я предполагал. Не то ничего полезного в окрестностях не было, не то все полезное уже вынесли, но мои мародерские похождения выглядели скорее бессмысленными блужданиями.

Я обошел один подъезд ближайшего дома и пришел к мысли, что для того, чтобы не вернуться с пустыми руками, надо бы, вопреки наставлениям Толяна, отойти подальше.

Вообще, логично было предположить, что ближайшие к кремлю дома уже давно вычистили. Полтора месяца прошло как-никак. Но зачем меня тогда сюда послали? Свежим глазом поглядеть? Или это такая подстава со стороны обиженного Толика?

А что, очень может быть. Он сегодня не особенно улыбался. Да и вообще, если разобратся, посылать людей обыскивать все подряд безо всякой системы – глупое и бесполезное занятие. Пустая растрата человеческого ресурса. Фара бы так не поступил. М-да, не иначе кто-то надо мной поглумился.

С этой мыслью я вышел на свежий воздух, неторопливо обогнул дом и углубился во дворы. За спиной остался кремль, Волхов и стоящий на вечном приколе подзатонувший корабль. С мачтами, без парусов. Судя по всему, здесь когда-то был ресторан, а может – плавающая гостиница...

Справа, в просветах между домами, виднелись маковки понатыканных одна на другую церквей. Ярославово Дворище, как называл это кто-то из местных.

Исторические достопримечательности меня трогали не очень. Чего искать в церквях? Свечи сгрызли мыши, деньги ничего не стоили, исторические ценности, если они там и были, давно уже растащили. А трупы в сгнивших рясах от обычных трупов ничем не отличаются.

Нет, искать надо в жилом секторе. А еще неплохо бы проверить одну штуку.

Проверка закончилась едва начавшись. Буквально через несколько дворов. Если Толян и обманул меня в чем-то, то не в этом: вооруженного, лениво прогуливающегося мужика я

заметил издали. Впрочем, от меня он и не прятался, а с обратной стороны его видно, судя по всему, не было.

– Гаврила ждал в засаде зайца, – усмехнулся я.

В голову тут же вертко влезла мыслишка: если спрячется не от меня, то может просто подойти, поздороваться и пройти мимо. Сбежать. Я же вроде как свой. Не станет же в своего стрелять. Или станет? Какие у этих пограничников инструкции, пес их знает. Может – всех выпускать, никого не выпускать. А может и вовсе стрелять на поражение без разбора.

Мужик увидел меня. В фигуре его наметилось напряжение. Я легко и беззаботно помахал рукой и свернул во двор. Я свой. Я собиратель и никуда не бегу. Занимаюсь своим делом.

Да, сбежать так просто не выйдет. Но не сидеть же здесь до весны. Можно, конечно, попробовать ломануться в червоточину, но с ходу не перепрыгнешь. Только на другой слой перейдешь. А здесь, судя по рассказам Толяна, ходить сквозь свет не бояться.

Хреновенько.

Я подошел к двери очередного подъезда с выбитым ржавым кодовым замком, толкнул. Скрипнуло. Ржавая дверь поддалась тяжело. Посыпалась мелкая труха.

Внутри было темно. Под ногами что-то хрустело. Думать о том, что лежит на грязном полу подъезда после тридцати лет небытия, не хотелось. Может, крошево бетона и прочий мусор, а может, человеческие кости.

Все-таки мысль о трупах догнала меня, как ни старался ее прогнать. Я поежился и припустил вверх по лестнице. Через пролет стало светлее. Свет попадал сюда через мутные стекла гнилых окон. Странно, что не повываливались за столько лет.

На первом этаже все двери оказались запертыми. Ломиться в чужое, пусть и брошенное пространство я не стал. Тем паче, что железная дверь в российской квартирке с замками от жулья всякого, это не дверка в номере «Ambassador City Jomtien», ее плечиком просто так не высадишь.

На втором этаже две квартиры оказались вскрытыми, но ничего полезного, кроме раскисшей мебели, битой посуды и сгнившего тряпья, там не нашлось. Окна в комнатах и кухне первой были открыты настежь. Рамы где перекосило намертво, где, совсем уж сгнившие, посылали с петель. Видно хозяева открыли окошки – проветрить в летний день помещение и уснули. Ничего зазорного. Кто ж знал, что проветривание растянется на годы. Во вторую квартиру уже явно кто-то залезал до меня. Все шкафы были распахнуты, ящики вытащены, содержимое выброшено на пол и перевернуто вверх тормашками.

Удача улыбнулась на третьем этаже. Дверь в квартиру оказалась не заперта, окна закрыты. И если кто-то здесь и был, то явно прошелся поверхностно. Или хозяева бежали, прихватив лишь самое нужное.

Куда бежали? Куда вообще можно убежать от катастрофы подобной анабиозу?

«А сам-то куда бежишь?» – полюбопытствовал внутренний голос.

Я поспешно откинул все мысли и занялся делом. Перво-наперво осмотрел кухню. Здесь нашелся набор столовых ножей, точильный камень и пачка крепких мусорных пакетов. Очень кстати.

Отмотав один мешок, я оторвал его от рулона, расстелил на полу. Сверху покидал первые важные находки и отправился исследовать брошенную квартиру дальше.

На кухне больше ничего интересного не было. Посуда и нерабочая бытовая техника фараоновской банде вряд ли нужна, а жратвы здесь не осталось. Крупы, макароны, сахар пожрали жуки и грызуны. Консервов в доме не держали, а в холодильник я не стал даже заглядывать.

В первой же комнате меня ждал второй сюрприз. В шкафу висели несколько зимних курток на синтепоне. Будьте благословенны люди, предпочитающие синтетику шубам. Я сдернул сносно сохранившиеся куртки и поволок их на кухню. Если бы не надо было сдавать барахло

Фаре, можно считать, что и себя и Звездочку я обеспечил как минимум оружием и зимней одеждой.

Куртки я затолкал в мешок сразу. Ножи завернул в другой и засунул между куртками. Ну вот, возвращаться уже не стыдно. Если Толян в самом деле хотел меня подставить, то сегодня у него это не вышло. Не на того напал.

Поглядим, чем еще богаты местные закрома.

Внизу, где-то далеко за стенами и перекрытиями, мерзко ржаво шкрябнуло. Я замер посреди коридора.

Грохнуло.

Дверь! В подъезд!

Я здесь не один.

Страх накатиł липкой волной. Пришлось поспешно придавить ему хвост: бояться не продуктивно. Я здесь не один, но это не значит, что за стеной враг.

«А кто, друг?» – встрепенулся внутренний голос.

Верно. Друзей у меня здесь нет. И быть не может. Фара – хозяин. Толян – обижен. Звезда в наряде на кухне. А больше я толком никого не знаю. И все «свои» на самом деле «условно свои».

Стараясь двигаться как можно тише, я скользнул на кухню и принялся развязывать первый собранный мешок, где между курток, перевязанные мусорным мешком лежали ножи. Пусть даже тупые, но все равно оружие.

Узел я затянул на совесть. Мешок не развязывался.

Черт, за каким хреном я его вообще развязываю? Или страх совсем соображалку отключил? Я вцепился пальцами в полиэтилен и рванул бок мешка, прорывая в нем дыру, но было поздно.

В коридоре тихо прошуршали шаги. Я суетливо принялся дербанить мешок, понимая, что не успеваю добраться до ножей. Шаги застыли, спина зачесалась под чужим взглядом.

– Чего суетишься, киса?

Не веря своим ушам, я медленно повернул голову. В дверях, привалившись плечом к косяку, стояла Яна. Она улыбалась, отчего на щеках проявились милые ямочки, а в глазах плясали бесенята.

– А-а-а, – протянул я.

Улыбка девушки стала шире.

– Вчера ты был более разговорчивым.

Вчера. Вчера ситуация была другая, и говорил я не с ней. А что с ней? Или за тридцать лет и полтора месяца я разучился с бабами общаться? Вроде проблем никогда не было. Но почему-то именно сейчас я чувствовал себя глупо, как неопытный старшеклассник, которому уже хочется чувств, отношений и плотских утех, но как их получить он пока не знает.

Да еще перед глазами всплывал недобрый оскал Фарафонова: «Хорош на мою телку паяться».

Пауза затягивалась.

– Ты чего здесь делаешь? – спросил я, чтобы хоть что-то спросить.

– А что, нельзя?

– Ну, ты же вроде с ним?

– Я сама по себе, – прервала глупую череду вопросов Яна. – Могу быть с ним, а могу и не с ним.

Она отклеилась от косяка и шагнула ко мне навстречу. Я бросил мешок и поднялся на ноги. Яна к тому времени оказалась ближе, чем я предполагал.

От нее пахло ухоженным женским телом. Никакого парфюма, да и откуда ему здесь взяться, свой тонкий, неповторимый аромат. В голове затуманилось.

Я могу себя контролировать. Могу. Всегда мог, подумаешь – пара месяцев без женщины. Руки Яны обвили шею. Ее грудь коснулась моей.

«Что ж я в самом деле как в первый раз-то?» – пронеслось в голове злое.

– А ты, правда, в Москву идешь?

– Правда. Не боишься, что он нас убьет?

– Не-а, – озорно улыбнулась она. – Он не узнает.

И впилась в меня губами, отчего все вопросы и неловкости растаяли, как утренний туман.

Вернулся я под вечер.

Фарафонов встретил меня сам, из чего можно было сделать вывод, что мне не доверяют и контролируют или, как минимум, дают понять, что все под контролем.

Два мешка барахла Фара воспринял спокойно, как само собой разумеющееся. Зажрался он здесь, жирует. Для меня то, что я притащил из той квартиры, было по нынешним временам сокровищем. Для «большого человека» – обыденностью. Но на обед я честно заработал.

В столовке ждала Звездочка. Уж не знаю, как прошел ее первый рабочий день на новом месте, но тарелку с рыбной похлебкой она поднесла мне сама. Села напротив, совсем по-женски и пока я ел, с грустью смотрела на меня.

От этого взгляда веяло чем-то домашним. Казалось, еще чуть-чуть и Звезда скажет какую-нибудь заботливую банальность про то, что я похудел и плохо питаюсь. Но подобных банальностей Звездочка, видимо, не знала.

– Сережа, – сказала она мяукающе.

Я оторвался от пустой миски. Посмотрел на Звезду: что, мол? Она улыбнулась и покачала головой.

Жалко ее. Я хоть понимаю, что вокруг происходит, а она же сейчас примерно как я среди тайцев. Да еще и трансвестит. А Россия не Таиланд, здесь мужики с большими сиськами и девочки с длинными пиписками – далеко не норма.

На выходе из столовки меня ждал Толян.

Он возник из сгустившихся до чернильной темноты сумерек и ловко подхватил меня под локоть:

– А ну-ка, пойдем.

Я напрягся и послушно потопал, куда вели, не задавая лишних вопросов. Хотя их было в достатке. Понятно дело, что Толян обижен, но как-то слишком резко он себя ведет. Что случилось? И куда меня тащат?

– Фара просил тебя найти, – будто прочитав мои мысли, поделился Толян.

Внутри что-то звонко оборвалось.

Ну всё. Узнал Фарафонов про то, как я с Яной в пустой квартире лизался. Теперь расплата близка, и все встает на свои места: и неожиданное появление Толика, и интерес к моей скромной персоне со стороны Фара. И тональность, в которой со мной общается Толян, тоже вполне объяснима.

Я выдернул руку.

– Сам пойду.

Конвоир фыркнул, но ничего не сказал. Только шлепал за спиной. Интересно, ТОЗ свой достал, мне уже ствол в спину смотрит, или просто так гуляем?

У костра Фарафонов народ устроился даже больше, чем вчера. Ну что ж, если готовится суд над прелюбодеем, это оправданно. Смотреть, как мне отстригут яйца кусторезом – или что там в таких случаях устраивает Фара? – куда интереснее, чем слушать байки про Таиланд.

Хозяин кремля сидел на своем обычном месте, рядом, по левую руку, пристроилась Яна с отсутствующим видом. В груди кольнуло, причем я так и не понял отчего: не то от страха, не то от ревности.

Фара поднялся нам навстречу. Взгляд его устремился мне за плечо, туда, где топал Толян. На лице Григория появился знакомый оскал.

– Я достаю из широких штанин, – продекламировал он на манер Маяковского, – член размером с консервную банку. Смотрите, завидуйте, я – гражданин, а не какая-то там гражданка!

Вокруг захрюкали сдавленными смешками. Толян вышел у меня из-за спины с надутым видом.

– Гриша, это не смешно.

Сидевшие у костра захохотали в голос. Толян прошел мимо, сердито плюхнулся по правую руку от хозяина.

Фарафонов кивнул мне.

– Ну, а ты чего? Садись. В ногах правды нет. И между ними, – он покосился на Толяна, – как показывает практика, тоже сплошной обман.

Притихшее было похихикивание снова набрало силу. Да, Толику теперь туго придется. А вместе с ним, судя по всему, и мне: надо же и ему на ком-то срываться, а я как нельзя лучше подхожу на роль виновника всех его бед.

Я присел на бревно. Твердое и неудобное. Сегодня мне вообще здесь было крайне неуютно. Фара, видимо, это почувствовал.

– Чего ерзаешь? – прохрипел он. – До ветру охота? Сходи, и я тебе кое-что покажу.

– Не охота, – помотал я головой.

– Ладно. У тебя, значит, таец есть?

Голос Фарафопова звучал странно. Будто мы с ним были директорами двух конкурирующих шоу-уродцев, и он решил доказать мне, что его шоу круче.

Не понимая, к чему он клонит, я неопределенно мотнул головой.

– А у меня немец есть, – гордо поведал он. – Смотри. Эй, Вильгельм!

– Не Вильгельм, – проскрипел старческий голос. – Вольфганг.

Я повернулся на голос. Вольфганг сидел практически напротив меня по ту сторону костра. Выглядел немец паршиво. Старческое лицо покрывала сетка глубоких, словно шрамы, морщин. Руки потемнели от пигментных пятен. Губы посинели, глаза выцвели, приобрели белесый оттенок. Вены бугрились синими червями.

Ему было, наверное, лет сто. Или он просто очень сильно болел.

– Вольфганг Штаммбергер, – повторил он.

– Я Сергей, – представился я.

Старик поглядел на меня странно, будто насквозь, словно не видел.

– Очен приятно, – произнес он с диким акцентом.

Губы его подрагивали и кривились. Тело тоже дрожало: не то в судорогах, не то сил у старика уже едва хватало, чтобы сидеть. Зрелище было жутким. Зачем Фара решил мне показать этого древнего умирающего старика? Что хотел этим сказать?

– Он тоже из света пришел, – охотно пояснил Фарафонов. – Говорит, что из Дубны. Знаешь где Дубна, Серый?

Я пожал плечами. Дубна это кажется за Дмитровым. Километров полста от Москвы.

– Московская область.

Фара оскалился:

– Соображаешь. А знаешь, чего там в этой Дубне замутили?

– Горнолыжный курорт, – предположил я.

– В штанах у тебя горнолыжный курорт, – подал голос Толян.

Фара смерил его взглядом.

– Толяныч, на твоём месте я бы про штаны ближайшие пару месяцев не шутил.

Толян под привычное уже хихиканье скрипнул зубами. Интересно, Фара не понимает, что каждый пинок, отведенный им своему порученцу, или на каких ролях там Толян, аукнется потом мне? Или он решил меня чужими руками со свету сжить?

– Они там коллайдер построили.

– Йа, – скрежетнул немец. – Коллайдер «Ника». Ускоритель ниффый поколения.

– Интересно, – кивнул я, хотя ничего интересного для меня в ускорителях элементарных частиц не было.

Еще тогда, за несколько лет до анабиоза, когда все вокруг истерили по поводу БАКа, мне, честно говоря, было наплевать. Так почему меня сейчас должны взволновать сгнившие достижения издохшей науки?

– Немец говорит, это их коллайдер весь трандец устроил. – Фарафонов обвел рукой окружающее пространство. – Представляешь? Если бы не они со своей «Никитой», никто бы не заснул. И света этого дикого, из которого вы пришли, не было бы.

– И что? – я упорно не понимал, к чему он ведет.

– Типа, от столкновения частиц долбануло некисло, и волна пошла, накрыла всю планету и вступила в резонанс с нашими мозгами, потому что мы люди-человеки думающие. Мы и заснули. Кошечки собачки нет, а мы отрубались.

Немец выставил вперед вялую дрожащую руку. Сказал тихо:

– Не есть софсем так. Немношечко поиначе.

Я покосился было на старика, но Григорий не обратил на него никакого внимания, продолжил как ни в чем не бывало:

– Понимаешь? Резонанс.

– Это я понимаю, – кивнул я. – Дальше-то что?

– А ты подумай. Вот перед тобой сидит урод, из-за которого мир трандой накрылся. Мысли о мести не возникают? Убить не хочется?

Я посмотрел на старика. Немца лихорадило. Передо мной сидел очень старый, очень больной человек. Ему было плохо. Его хотелось не убивать, а спасти.

– Господи, да он умирает.

– Скучный ты человек, Серый, – поморщился Фара. – Я тебе ответ дал на самый главный вопрос: кто виноват. Люди веками мучились в его поисках. А ты просто так получил, и даже что делать не знаешь.

Немец захрипел, повалился на бок. Из рта старика пошла пена, глаза закатились. Его били конвульсии. Я вскочил с бревна, готовый кинуться на помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.